

Лабиринт как символ архаического мышления

Городыська О.М. Лабіринт як символ архаїчного мислення. Проблема самосвідомості людини є однією з найактуальніших у філософії, та особливого значення вона набуває у ситуації традиційного стилю мислення. Образно-символічне сприйняття та відображення дійсності є відмінною рисою міфологічного та взагалі традиційного мислення. Особливий акцент зроблено на зв'язку архаїчного розуму та екзистенційного апіорі людини, яке носить часто алогічний характер, що у повній мірі відображено у ключовому образі-понятті – лабіринті.

Ключові слова: лабіринт, екзистенцій не апіорі, розум, самосвідомість, міф, традиція, культура.

Городыская О.Н. Лабиринт как символ архаического мышления. Проблема самосознания человека является одной из самых актуальных в философии, но особое значение она приобретает в ситуации традиционного стиля мышления. Образно-символическое восприятие и отражение действительности является отличительной чертой мифологического и традиционного мышления в целом. Особый акцент сделан на связи архаического разума и экзистенциального априори человека, носящего зачастую алогичный характер, что в полной мере отражено в ключевом образе-понятии – лабиринте.

Ключевые слова: лабиринт, экзистенциальное априори, разум, самосознание, миф, традиция, культура.

Gorodiskaya O.N. Labyrinth as the symbol of the archaic thinking. The problem of human self-consciousness is one of the most actual in philosophy, but it becomes a special one in the tradition thinking situation. Image-and-symbolic perception and reflection of the reality is the characteristic feature of the mythological and traditional thinking generally. The special accent was maid on the connection between archaic reason and existential apriori which often has the illogical character; it was fully reflected in the key image-concept of labyrinth.

Key words: labyrinth, existential apriori, reason, self-consciousness, myth, tradition, culture.

Проблема самосознания человека всегда была актуальной, но особую остроту она приобретает в социально-культурной ситуации современности, когда само понятие индивидуальности размывается, когда на смену реальному выбору приходит мнимый, когда внешняя форма заслоняет сущность, и достучаться до истинного Я становится невозможно. В этом наблюдается некоторая аналогия с самосознанием человека традиционного общества, где, правда, неотделимость от вселенского порядка была единственно возможным условием становления человеческого Я.

Символическое восприятие реальности оставило ряд образных выражений способа мышления, который был невыразим рациональными формами. Одним из наиболее ёмких и сложных символов в этом аспекте является образ лабиринта, который, кажется, действительно появился вместе с самим мышлением: ничто так не отражает сложный механизм личности, как ломаные фигуры, которыми Я движется по темным, запутанным и, зачастую, безвыходным коридорам собственного разума.

Данная проблематика практически не имеет философской традиции, здесь гораздо ближе историко-культурологический, даже литературный анализ символа лабиринта. Очень показательной является работа У. Эко “Заметки на полях “Имени розы”” [26], как и сам роман. Однако философское изучение образа лабиринта как такого, который в символической форме выражает архаические, мифологические структуры разума, связанные с экзистенциальным априори человека, представляется весьма перспективным, поскольку данный символ очень широко представлен в многоплановой европейской традиции, что само по себе дает богатый материал для исследования.

Первобытный человек специфично воспринимал и отражал окружающий мир. Собственно, внешний мир для него был враждебно-чуждым, отсюда возникает потребность в новой среде, сконструированной согласно его представлениям и образности. Именно этот его особый мир был внутренним миром индивида, слабо отделенного от внешнего. Основными характеристиками первобытного мышления, ставшими основой традиции, является отсутствие причинно-следственного ряда и симбиоз прошедшего с настоящим. Причина одного явления лежала в явлении смежном, то есть причинность рисовалась в виде круга, а наличие определенной временной и событийной матрицы приводило к циклическому восприятию времени. И в том, и в другом случае, на единой повторяющейся основе, строится бесконечная вариативность форм и пышная символичность мифологической реальности.

Именно лабиринт символически точно выражает в традиции древнюю циклическую основу человеческого бытия. При этом нельзя забывать, что частное бытие в традиции – это лишь часть бытия всего мира, всеобщего бытия, и индивидуальный мир слишком слабо отграничен от всего мироздания. Лабиринт, начиная с античной спиральности, означает путь становления, самосознания человека в традиции. Индивид, в известной мере ограниченный периодической сменой дня и ночи, зимы и лета, холода и тепла, жизни и смерти, естественным образом оказывается включенным в бесконечный

лабиринт самой природной жизни, которая бытует только ритмично и циклически. Понимание архаических бытийных структур как до-разумных позволяет говорить о лабиринте как о неотделимой части экзистенциального априори древнего человека.

Человек традиции, постоянно балансирующий между космосом и хаосом, всегда представлял собой индивида, попавшего в принципиально пограничную ситуацию. Можно вспомнить кельтскую традицию, унаследованную после и всей ирландской культурой, где рационально не осознаваемое поле маргинального бытия вызывало всегда самый живой интерес как у людей творческих, так и простых обитателей традиционного ирландского жизненного пространства. Здесь особо выделяется жизненная тропа тех личностей, которые предназначены на роль изгоев в мире. Сама их функция состоит в том, чтобы очерчивать и разграничивать мир людей и тот, который всегда будет нечеловеческим, то есть потенциально опасным для человеческого существа. Путь таких маргинальных персонажей, собственно говоря, представляет собой лабиринт, потому что случаен и потому что губителен, – вечное блуждание, как путь неразумия. Очень показательным представляется пример уже литературного свойства, но умело созданный на базе древних преданий: Ханрахан Рыжий, поэт и бродяга, нарушил старинное и непреложное правило не выходить из дому после заката в ночь Самайна. Нарушив этот обычай, Ханрахан становится заложником лабиринта жизни, своей тропы, на которую он ступил, как только за ним закрылась дверь харчевни, и он оказался запертым на её пороге [9]. Вечное скитание, потеря всего, что он любил и к чему стремился, – вот плата за опрометчивость и за звание поэта; сам его путь стал лабиринтом, из которого выход был только один.

В сознании человека понятие лабиринта подразумевает нечто принципиально запутанное, связанное с бесконечным блужданием, отсутствием выхода, даже с гибелью человека вообще. Подобное представление, безусловно, может быть связано с древнейшим способом познания, который позволял периодически погружаться в бездну бытия непосредственно. Речь

идет о нарративе, о знании, которое не поддаётся запоминанию умозрительно, о знании подспудном, связанным с самыми основами человеческого сознания.

Вне всяких сомнений, рассказ – самое лучшее изложение такого знания, когда повествовательная форма подчиняется определенному ритму, используя эту вибрирующую, музыкальную особенность. Ритмичность здесь даёт пример удивительного свойства: “по мере того, как метр одерживает верх над ударениями во всех звуковых, речевых или неречевых обстоятельствах, темп перестает быть опоркой запоминания и превращается в древнее отбивание ударов, которое за отсутствием заметной разницы между периодами не позволяет их просчитывать и заставляет забыть о них, а референция рассказов всегда современна акту “здесь и теперь”” [13, с. 59-60]. Ритм – это база всего первобытного мышления и самой традиции. Ритм и нарратив тесно связаны друг с другом не только способом передачи древнего знания. Само содержание такого рассказа – это действия и бездействия, деяние и претерпевание. Подобные элементы, естественно, противоположны, но они составляют саму суть древнего рассказа-мифа [23, с. 211]. Таким образом, сам миф есть цикличность и ритмичность, а эти характеристики, прежде всего, выявляют в человеке собственную безвыходную, непреодолимую для него структуру-лабиринт.

Трудно сказать точно, когда и где появился образ лабиринта. Мысль о том, что родиной европейского лабиринта является Крит, представляется вполне правдоподобной. Здесь можно увидеть в лабиринте часть древнего основания человека: знаменитый критский Лабиринт есть место двойного топора Лабриса [14, с. 120]. Сам Лабрис воплощает в себе весь окружающий мир, является универсальной силой, охватывающий мир в целом и во всех его отдельных проявлениях. Двойной критский топор был одновременно разрушительной и созидательной силой и, вполне вероятно, совпадал с единственным обитателем Лабиринта, Минотавром, человеко- и жизнепожирателем. Однако, лабиринт – не только место двойного топора, но и просто огромное здание с извилистыми спутанными коридорами, малодоступным входом и практически не находимым

выходом, а кроме того, лабиринт – строение подземное, что немаловажно для оценки его значимости в системе первобытного мышления. К тому же, лабиринт – нечто бесконечно запутанное, хаотическое, стихийное, губительное, ужасное, а в целом, именно лабиринт представляется одним из самых глубоких образов архаического и хтонического мышления [14, с. 216].

Однако первоначальной формой лабиринта послужили, очевидно, предметы внешнего мира. Так, вероятнее всего, одним из прообразов лабиринта послужила форма раковины улитки. Конечно, говорить с полной уверенностью об этом невозможно, однако, такая модель была бы вполне оправдана, тем более что лабиринт античный, скорее всего, представлял собой именно подобную форму. Улитка выглядит полностью автономным созданием, которое несёт свою историю на себе, живет в ней, наворачивая, по мере своего роста, всё новые и большие витки спирали из настоящего. С другой стороны, улитка слишком привязана к внешнему для неё миру и при малейшей опасности вынуждена запирается в своем странном убежище. Её лабиринт – она сама, и в этом она парадоксальным образом совпадает с человеком традиции. Повадки этой улитки стали повадками человека, и он тоже ходит кругами, “не отклоняясь от своего собственного следа” [1, с. 25]. Такой лабиринт – как улитка, увиденная во сне проклятым полковником Курцем и приведшая его в ужас: она мечется на краю острой бритвы, не в силах ни погибнуть, ни соскользнуть с неё. Лабиринт, который заключает в себе значение очевидности, но непроходимости, губительности, поскольку в сознании человека обе эти значимости незаметно совпадают.

Лабиринт, в который, таким образом, попал человек, странным образом выталкивает нас также и на поля тех рукописей, которые сгорели в лабиринтах средневековых библиотек, – и снова видим лабиринт в лабиринте: грозная улитка с злыми черными усами, сражающаяся с рыцарями, жонглёрами, клириками или поражаемая ими и белый “дикарь” с граблями в правой руке верхом на яростно рычащей химере нападает на большую улитку [16, с. 68-71]. Весь этот лабиринт сознания, населённый многочисленными бредовыми

фигурами и лицами, составляющими подспудное знание человека о самом себе, не может проявляться никак иначе, кроме как через движения неразумия. Возможно, поэтому лабиринт становится в традиции местом гибели человека, попав куда, чувствуешь себя, действительно, как сумасшедший, когда сам мозг трепыхается как полип, брошенный в уксус, не в силах отыскать принципиально недоступный здесь выход. Не случайно Эко обрекает средоточие запретного знания – лабиринт-библиотеку в своем романе на гибель в огне: это событие носит космологический характер, лабиринт нельзя пройти, его можно только уничтожить [26, с. 34].

Лабиринт – это ломаная линия, которую невозможно очертить, сфера, куда нет доступа, а выход из лабиринта нельзя найти рациональным способом. В какой-то степени лабиринт становится губительным именно потому, что предоставляет человеку шанс окончательно заблудиться в себе самом, попасть в лабиринт неопределённого, пугающего, того знания, которое даруется только благодаря потере себя. Недаром ведь упомянутые древние ирландцы считали, что мудрость и знание открываются только на кромке вод – непременно на тонкой линии, не поддающейся запоминанию. В том, что улитка стала одним из прообразов лабиринта, можно не сомневаться. Ведь если присмотреться к лабиринту античному, то здесь явственно проступает некоторая центричность. Попросту говоря, этот лабиринт имеет только один вход и один выход, которые, чаще всего, совпадают. Где-то в центре находится Минотавр, который может погубить человека. Но, видимо, Дедал был слишком увлечен идеей улитки или был слишком хорошим мастером, чтобы создать именно то, что привычно называют лабиринтом, – ведь раковина моллюска растет, а значит, лабиринт постоянно увеличивается, и мнимый центр безнадежно ускользает.

Как уже говорилось, для античности лабиринт – не только непостижимая форма, он представляет собой ещё и сам принцип бытия человека, даже всей традиции. Лабиринт, в сущности, и есть “миф, который – воплощенная цикличность, повествующая об основах” [5, с. 331]. Лабиринт мифа – это круг вечного возвращения, который изначально был децентрирован, причём этот

бесконечный круг жизни, никогда не имевший центра, куда справедливее было бы назвать прямой, рисующей саму бесконечность [17, с. 382] Конечно же, трудно назвать маленькую раковину моллюска чем-то беспредельным, но пока она жива – она будет строить эту спираль жизни, которая никогда не завершится полным кругом.

Безусловно, центр был бы естествен при создании круга – обычный принцип циркуля, ведь правильный круг с четким центром есть древняя Мандала, которая во многом является универсальной формой. Юнг считал, что не существует линейной эволюции, что “однозначное развитие возможно лишь в начале, а затем со всей очевидностью проступает центр” [27, с. 243]. Однако, что касается круга вечного возвращения, то здесь центр принципиально невозможен, а на месте центральной точки скорее всего окажется слепое пятно, которым является человек. Вечное возвращение есть некоторое умопомешательство, становление не-человеком, и человек, вовлечённый в такой круг, также оказывается исчезающим центром мира, лишённым какого бы то ни было центра. В кельтской традиции на вопрос: “Где находится центр мира?” – можно было услышать неизменное: “Там, где ты стоишь” [21, с. 211]. Для любого человека его местоположение оказывается самым недоступным в познании, он остаётся для разума смутной фигурой, стоящей на бесконечном перепутье, несчетные линии которого вечно сходятся и расходятся в той слепой точке, которую он представляет. Очевидно, что человек разумный, попадая в лабиринт, медленно ломается под давлением непроходимого пространства, точно великан, помещенный в каморке, который может только “терпеть, как у него выдавливается мозг, или превращаться в скрюченного уродца” [2, с. 71]. Человек традиции просто принимает неопределённую форму лабиринта, познавая его всем своим естеством, а значит, открывая новый путь познания. Здесь любая новизна – это неосознаваемое повторение прошлого, а познание – редупликация уже существовавших когда-то форм: человек традиции живет в парадоксальном настоящем, полностью состоящем из форм, возникших слишком давно.

Ритмическая и циклическая особенности архаического мышления проявились не только в создании спиральной формы лабиринта: лабиринт в греческой традиции отмечен еще одной формой, очевидно связанной с фигурой Диониса. Древняя религия умирающего бога, собственно, Диониса, всегда носила оргиастический и мистериальный характер, а сам критский бог двойного топора Лабриса когда-то был спасен именно благодаря одной из ритуальных составляющих своего культа – громкой ритмичной музыке и круговым танцам [14, с. 243]. Здесь речь идет о тесной связи культа умирающего бога (сам культ характеризуется потерей человеком себя) с ритмичностью и хороводом, который, в сущности, имитирует и олицетворяет путешествие по лабиринту. Не случайно, вернувшись из преисподней Лабринта, Тесей учредил на Делосе круговой танец, подражающий блужданию в жилище Минотавра [8, с. 344]. Впоследствии хоровод потерял свою чисто дионисийскую сущность, но остался живым (в буквальном смысле) воплощением архаичной ритмичности. Более того, Платон в «Законах» пытался классифицировать различные хороводы по назначению и пользе, но оказался бессильным как-либо определить некие “вакхические пляски”, а также пляски нимф, панов, силенов и сатиров, которые справлялись во время обрядов очищения и других таинств. Очевидно, что именно эти неконтролируемые государством хороводы и были прямыми наследниками тех, которые учредил Тесей. Таким образом, даже в период расцвета классической греческой культуры существовали и широко практиковались определенные техники возврата человека к своему экзистенциальному началу, которое образно выражено в мифе о лабиринте.

Итак, помимо природного лабиринта (улитки) существует еще лабиринт архаического мышления, выраженный в нарративном знании, в ритмичной музыке и хороводных плясках и, собственно, в мифическом Лабринте Кносса. Отчасти все эти проявления циклической основы человека связаны с дионисийскими мистериями (не случайно ведь лабиринт – подземное сооружение, а значит, блуждание по нему является аналогом путешествия по

загробному миру), но в целом образ лабиринта и все его формы – это часть того экзистенциального априори первобытного человека, которое сводится, в итоге, к древнему до-разумному основанию человека.

Единственный способ материального воплощения архаической цикличности человека – создать лабиринт из какого-либо прочного материала, с чем вполне справилась архитектура. Собственно, вся симметричность античной архитектуры восходит именно к ритмичному свойству традиционного мышления [22, с. 56]. Вероятно, таким же символическим выражением мышления стала архитектура и в культуре Средних веков. Ведущий стиль готики был скорее возможностью познания и расширения мира человека, чем просто способом постройки зданий. Готика создает пространство неопределённое и пронизываемое изнутри. Здесь, собственно, нет никаких стен, нет никакого ограниченного пространства, оно бесконечно и нематериально. Сам камень тут “не имеет материальной среды, это – эстетически утонченная хаотичность” [15, с. 96]. Вот почему готический собор не нуждался в прочтении, в отыскивании значений – этот каменный текст сам выпускал смысл на свободу и менялся с ним местами. И если считать лабиринт моделью догадки, то готический собор есть их полное совпадение. Собор – это лабиринт, в котором бесконечно блуждает человеческий дух.

Кроме обманчивости камня, готика несла ещё один немаловажный фактор – свет, который, пожалуй, ещё вернее напоминал человеку об идее лабиринта. Свет – главное в готике, он пронизывал всё пространство вокруг, подтверждая бесконечность последнего. Вся материальная вселенная становится “большим “светом”, составленным из бесчисленных малых светов” [19, с. 100]. Фигурки, фрагменты рук, лиц, одежд светятся небесным светом. В витражах есть множество маленьких лабиринтов разной формы, которые неизменно пронизаны светом. Безусловно, такое “множество архитектурных деталей является самоанализом и самообъяснением архитектуры” [20, с. 73], а свет сам по себе делает лабиринт собора непроходимым.

Создавая готический собор, человек даже не подозревал, какую бездну он открывает перед собой. Каждый лучик, проходящий сквозь камень, делал возможным эффект *camera obscura*, что приближало каждый луч к пучку рассеянного света, проникающему через человеческий зрачок. Открытие этого эффекта произошло позднее, уже в то время, когда готика практически ушла из пространства живой культуры. А средневековый человек, оказываясь в пространстве собора, становился той хрупкой пластиной заднего плана, которая принимала на себя и отражала все предметы или их тени, приходившие со светом в бесконечность собора. Пожалуй, нетрудно догадаться, что мог принести свет через высокие окна, – разве что небесные создания. Такое место чем-то напоминает платоновскую пещеру, только на этот раз все было гораздо безнадежнее и потому спокойнее. Парадокс заключался в том, что человек, создавая всё это огромное здание собора, не мог похвастаться даже ролью улитки по отношению к своей раковине. Лабиринт разума, запечатлённый в соборе, поглощал всё рациональное, что могло быть в этом бесконечном здании, и человеку открывался странный путь познания под названием “лабиринт”. Более того, средневековый человек так конструировал свой внешний мир, что был не в состоянии осознать и вместить его в себе. Таким образом, средневековый человек растворялся в этом рассеянном свете соборов, что позволяло частному миру индивида сливаться со всей бездной божественного творения.

Лишь несколько позднее опыты Кеплера позволили художникам Северной Европы создать традицию, которая отвергла раму и сделала место наблюдателя относительно неопределённым. Такую “северную” традицию прекрасно усвоил и Веласкес, изобразив в своих “Менинах” странный путь света: он образует спиральную раковину, которая делает единичности зримыми и формирует из них соответствующее количество отблесков и отражений [25, с. 43-45]. Здесь будто бы отсутствует рама, и ты становишься невольным участником немой сцены. Однако если здесь *camera obscura* стала сознательной попыткой познания лабиринта, созданного светом, то всё, что происходило в готическом

лабиринте, осталось нерушимым свидетельством принципиальной непроходимости любого лабиринта, даже созданного человеком.

Таким образом, самый сложный лабиринт, который представляет из себя человек, оказывается заперт в ещё большем лабиринте, созданном им же самим, но не ставшим от этого более простым или допускающим хоть какую-то определённую: единственным обитателем в некоем просторном теле, состоящем из гигантских ходов, лабиринтов, каналов и бесчисленных тупиков. Однако бессилие ума превращает в лабиринт сам мозг. Собственно говоря, здесь шансов на спасение у человека не осталось, и сама идея лабиринта, подразумевающая отсутствие всякого выхода, делает этот лабиринт таким же роковым, как и круг вечного возвращения. Здесь можно смеяться, как тихо помешанные дети, “увязшие в паутине мягких младенческих мозгов”, а можно ратовать за “высокую традицию в лечении инвалидов разума: выжигание по мозгу” [11, с. 268]. Человеческий мозг – самое пугающее болото, какое только может грозить разуму, ведь никакое другое существо не могло себе позволить так надругаться над собой – узаконить дискриминацию по мозговому принципу. Пожалуй, именно подобное самоуничтожение говорит о том, что для разума этот лабиринт уже непроходим. Всё здание цивилизации покоится на лабиринте человеческих мозгов, и именно “на мягких волокнах мозга возводится фундамент мощнейших империй” [24, с. 150]. Можно, конечно же, списать все человеческие ужасы на тёмные инстинкты и временные безумства, однако, именно разум тысячелетиями уничтожал свой род, именно разумный расчет стирал с лица земли государства и народы, даже всё то, что сам же с таким напряжением создавал веками. Мозг заблудился в самом себе, создав лабиринт, из которого нет выхода.

Последним лабиринтом, который, в сущности, был первым для человека, является лабиринт времени. Это и есть круг вечного возвращения. Речь идет не о впадении в архаичные убеждения, даже не актуализация воззрений Ницше. По самой своей природе человек привержен периодичности большой природы, к возвращению дня и ночи и времен года, к вечному круговороту, – так

происходит каждый раз, как только прекращается сама история [18, с. 322]. Круг времени, в который вовлечен человек традиции, сходен с тем изначальным временем, когда был создан мир, со временем, “которое возвращается при воспроизведении мифа” [3, с. 39]. Время мифа парадоксально, оно исчерпывает себя в ходе движения от исходной точки до прибытия, а когда оно возобновляется, то это происходит в форме повторения – в форме возврата и нового начала. Это время стремится завершиться на самом себе, стремится подхватить себя, восстанавливая связь со своим собственным началом. Это линия Эона, линия вечного возвращения – “самый страшный лабиринт” [5, с. 234]. Старик Эон изображался опоясанным змеей – змеей, кусающей себя за хвост. Сам Эон и есть время, взятое во всей своей полноте, но постоянно длящееся. Собственно, кольцеобразный змей, кусающий себя за хвост, изображает годовой цикл, “время в виде круга, время, вечно возвращающееся” [12, с. 150]. Причем подобное возвращение природного основания человека возникает не вследствие глобальных катастроф, а периодически, возможно, вследствие сильнейшего перенапряжения социальных сил в определенный промежуток времени. В известном смысле экзистенциальное априори человека постоянно проявляется символом лабиринта в человеке, сошедшем с линии истории – временно или окончательно. Традиция же постоянно проходит этот лабиринт, который принято называть временем вечного возвращения. В этом безумном лабиринте времени на каких-то тропинках, в каких-то домах мы “можем стать свидетелями старых убийств, разыгранных вновь, или увидеть, как скачет мертвый охотник на коне со своей борзой” [10, с. 295]. Традиция нуждается в подобных образах, которые позволяют ей сохранять свою целостность. В сознании человека время возвращающееся производит некоторую иллюзию замыкания круга жизни, что оправдывает его дальнейшее существование. Правда, как об этом уже говорилось, такой круг жизни, лишённый центра, скорее всего, лишён и кривизны круга, когда бесконечный круг естественно совпадает с бесконечной прямой: форма теряется, оставляя

только саму бесконечность, которая, безусловно, проявляет здесь самое очевидное свойство лабиринта – непроходимость.

Восприятие времени, безусловно, менялось, однако это не стало причиной его преодоления: новое время полностью отделило время от человека, его сознания, упорядочило весь окружающий мир, причем эта упорядоченность становилась все более и более утонченной. Теперь человек – как загнанный зверь, блуждает в сумерках чуждого мира, обещающего все разъяснить и расставить по местам, но от этого еще более невыносимого и враждебного: “И всюду на его пути вставала стальная колея: она то ныряла, как в пропасть, в глубокие выемки, то взлетала на высокие насыпи, заграждавшие горизонт будто гигантские баррикады. Пустынная местность, изборожденная невысокими холмами, унылая и мрачная, без единого клочка возделанной земли, напоминала лабиринт, в котором, не находя выхода, металось его безумие” [7, с. 285]. Время саму жизнь превратило в лабиринт – ясный, очевидный, но также непроходимый.

Итак, символ лабиринта, прежде всего, обозначил одну из основополагающих характеристик архаичного мышления – заданную цикличность, ритмичность бытия. Человек изначально подчинен ритмам большой природы, и это положение не изменилось и по сей день. В сущности, человек культуры, как трансцендентной среды его обитания, всегда пытается оторваться от этого своего природного основания. Однако неосознанно человек никак иначе и не существует, кроме как включенный в самые элементарные природные циклы.

Вероятно, уже в эпоху отделения человека от всего остального мира для индивида возникла серьезная проблема самоопределения и утверждения своей идентичности, а вместе с этой проблемой – другая: как отделиться от природы, оставшись включенным в нее. Совершенно очевидно, что уже тотемистические ритуалы разрывания тотема, то есть очистительные жертвенные обряды включали в себя момент приобщения отдельного индивида к общей жизни. С течением времени подобные обряды усложнялись и усложнялись, и

даже Средние века не стали эпохой забвения для подобных техник приобщения отдельного человека к вселенской жизни. Все ритуалы такого приобщения были возможны лишь в силу наличия в человеческой природе особой циклической структуры, которая символически выражена в образе лабиринта.

Цикличность мышления современного человека стала прямым продолжением той древней цикличности, которую идеально представил образ лабиринта и которая поныне составляет неотъемлемую часть человеческой экзистенции. И здесь разум человека, даже современного, нераздельно существует со своей оборотной стороной, которую можно называть неразумием, чем-то нерациональным, алогичным, таким, которое зачастую невозможно познать, а значит, – и пройти, подчинить; однако это будет всё тот же разум, один из интереснейших его аспектов.

Список литературы:

1. Барт Д. Химера / Д. Барт ; [пер. с англ. В. Лапицкого]. – СПб. : Изд-во “Азбука”, 1999. – 400с.;
2. Бонавентура. Ночные бдения / Бонавентура ; [пер. с нем. В.Б. Микушевича]. – М. : Наука, 1990. – 256с. – (Серия “Литературные памятники”);
3. Гуревич А.Я. История и сага / А.Я. Гуревич. – М. : Наука, 1972. – 198с.;
4. Делез Ж. Логика смысла / Ж. Делез // Делез Ж. Логика смысла. Фуко М. *Theatrum philisophilcum* ; [пер. с фр. Я.И. Свирского]. – М., Екатеринбург, 1998. – С. 13-326;
5. Делез Ж. Симулякр и античная философия / Ж. Делез // Делез Ж. Логика смысла. Фуко М. *Theatrum philisophilcum*; [пер. с фр. Я.И. Свирского]. – М., Екатеринбург, 1998. – С. 329-365;
6. Делез Ж. Что такое философия? / Ж. Делез, Ф. Гваттари ; [пер. с франц. и послесл. С.Н. Зенина]. – М. : Институт экспериментальной социологии, СПб. : Алетейя, 1998. – 288 с. – (Серия “Gallicinium”);
7. Золя Э. Человек-зверь / Э. Золя // Золя Э. Мечта. Человек-зверь; [пер. с франц. В. Ранцова] – М., 1964. – С. 229-642. – (Собр. соч.: в 18 т. / Э. Золя ; т. 13);
8. Иванов В.И. Эллинская религия страдающего бога / В.И. Иванов // Эсхил. Трагедии. – М., 1989. – С. 307-350;
9. Йейтс У.Б. Истории о Рыжем Ханрахане / У.Б. Йейтс // Йейтс У.Б. Кельтские сумерки ; [пер. с англ. В. Михайлина]. – СПб., 1998. – С. 117-154. – (Серия “Цветы зла”);
10. Йейтс У.Б. *Anima Mundi* / У.Б. Йейтс // Йейтс У.Б. Роза и Башня ; [пер. с англ. Г. Кружкова]. – СПб., 1999. – С. 286-304;

11. Кизи К. Над кукушкиным гнездом / К. Кизи // Берджесс Э. Механический апельсин. Кизи К. Над кукушкиным гнездом ; [пер. с англ. В. Голышева]. – М., 1993. – С. 183-375;
12. Ле Гофф Ж. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада / Ж. Ле Гофф ; [пер. с франц. С.В. Чистяковой и Н.В. Шевченко под ред. В.А. Бабинцева]. – Екатеринбург : Изд-во Урал. Ун-та, 2000. – 328с.;
13. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар ; [пер. с франц. Н.А. Шматко]. – М., СПб. : Изд-во “Алетейя”, 1998. – 160с. – (Серия “Gallicinium”);
14. Лосев А.Ф. Античная мифология: в ее историческом развитии / А.Ф. Лосев. – М. : Гос. Уч.-пед. изд-во Мин. Просвещения РСФСР, 1957. – 620с.;
15. Лосев А.Ф. Диалектика мифа / А.Ф. Лосев // Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. – М., 1991. – С. 21-186. – (Серия “Мыслители XX века”);
16. Неизвестный памятник книжного искусства: Опыт восстановления французского Легендария XIII века / Под ред. В.С. Люблинского. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1963. – 105с.
17. Николай Кузанский. Книги простеца / Николай Кузанский // Николай Кузанский. Сочинения: в 2-х томах; [пер. ; общ. ред. и вступит. статья З.А. Тажуризиной]. – Т. 1. – М., 1979. – С. 359-460 (Серия “Философское наследие” ; т. 80);
18. Ошеров С.А. История, судьба и человек в “Энеиде” Вергилия / С.А. Ошеров // Античность и современность : сб. статей. – М., 1972. – С. 317-329;
19. Панофский Э. Аббат Сюжер и аббатство Сен-Дени / Э. Панофский // Богословие в культуре Средневековья ; [пер. с англ. и комментарии А.Н. Панасьева]. – К., 1992. – С. 79-117;
20. Панофский Э. Готическая архитектура и схоластика / Э. Панофский // Богословие в культуре Средневековья ; [пер. с англ. и комментарии А.Н. Панасьева]. – К., 1992. – С. 49-78;
21. Рис А. Наследие кельтов. Древняя традиция в Ирландии и Уэльсе / А. Рис, Б. Рис ; пер. с англ. и послесл. Т.А. Михайловой]. – М. : Энигма, evidentis, 1999. – 480с.;
22. Фрейденберг О.М. Введение в теорию античного фольклора. Лекции / О.М. Фрейденберг // Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. – М., 1978. – С. 7-169;
23. Фрейденберг О.М. Образ и понятие / О.М. Фрейденберг // Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. – М., 1978. – С. 171-487;
24. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / М. Фуко ; [пер. с франц. В. Наумова]. – М. : Ad marginem, 1999. – 480с.;
25. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко ; [пер. с франц. В.П. Визгина и Н.С. Автономовой]. – СПб. : А-сad, 1994;
26. Эко У. Заметки на полях “Имени Розы” / У. Эко ; [пер. с итал. Е. Костюкович]. – СПб. : “Симпозиум”, 2005. – 92 с.;

27. Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления / К.Г. Юнг ; [пер. с нем. В. Поликарпова]. – М. : ООО “Изд-во АСТ-ЛТД”, Львов : “Инициатива”, 1998. – 480с. – (Серия “Классики зарубежной психологии”).

Городыская Ольга Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, доцент кафедры философии НТУ «ХПИ»; Харьков, 61168, ул. Блюхера, 13-Б, кв. 125;
olga_gorod@mail.ru